

47. Пасемко І. “Українська мова в советській Україні” (До 40-річчя виходу однойменної книжки Романа Смаль-Стоцького) / І. Пасемко // Українознавство. – 2009. – № 2. – С. 317 – 319.
48. Радевич-Винницький Я. Двомовність в Україні: соціолінгвістичний аспект / Я. Радевич-Винницький // Українознавство. – 2009. – № 4. – С. 205 – 212.
49. Радевич-Винницький Я. Україна: від мови до нації / Ярослав Радевич-Винницький. – Дрогобич: Відродження, 1997. – 360 с.
50. Рафальський О.О. Національні меншини України у ХХ столітті: Історіографічний нарис / Олег Олексійович Рафальський. – К.: Полюс, 2000. – 447 с.
51. Скляр В. Все ще – “підпорядкована більшість”? (вплив етнічних процесів радянської доби на етномовну самоідентифікацію українців в сучасній Україні) / В. Скляр // Слово просвіти. – 2009. – 4 – 10 червня. – С. 3 – 4.
52. Соловей А. Українсько-російські відносини та мовна політика в Україні: історіографічний погляд / А. Соловей // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України. – К., 2008. – Вип. 39. – С. 317 – 329.
53. Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду: Док. і матеріали / Упоряд.: Л. Масенко та ін. – К.: Вид. дім “Києво-Могилянська акад.”, 2005. – 399 с.
54. Фудерер Т. Суржик: термінологічна парадигма і лінгвістична природа / Т. Фудерер // Наша газета. – 2010. – 30 червня 2 (79). – С. 12 – 13.
55. Функционирование русского языка в различных слоях украинского населения (на примере Кировоградской области) // Украинско-русское двуязычие: Социологический аспект / Г.Д. Басова, И.В. Борисюк, А.И. Курдюмова и др.; Отв. ред. Т.К. Черторицкая; АН УССР. Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. – К.: Наукова думка, 1988. – С. 23 – 36.
56. Чижикова Л.Н. Русско-украинские этнокультурные связи в южных районах Украины / Л.Н. Чижикова // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. – М.: Наука, 1979. – С. 12 – 73.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Ломака Олександр Анатолійович – аспірант кафедри всесвітньої історії КДПУ ім. В. Винниченка.

Наукові інтереси: етнічні процеси в центрально-українському регіоні в другій половині ХХ століття.

УДК 902.01

СОЦИАЛЬНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛА ЛОПУШЬ В XI–XVII вв.: ОТ ПОГОСТА К ПОГРАНИЧНОЙ ЗАСТАВЕ

Роман НОВОЖЕЕВ (Брянск, Российская Федерация)

У статті розглядається соціально-функціональна трансформація давньоруського поселення в с. Лопушь. За період з XI по XVII століття поселення пройшло шлях від адміністративного центру сільської місцевості – погосту в XI–XIII ст. до приватновласницького села в литовський період XIV–XV ст. і прикордонної застави в XVII столітті.

Ключові слова: село, погост, застава.

В статье рассматривается социально-функциональная трансформация древнерусского поселения в с. Лопушь. За период с XI по XVII век поселение проделало путь от административного центра сельской округи – погоста в XI–XIII вв. до владельческого села в литовский период XIV–XV вв. и пограничной заставы в XVII веке.

Ключевые слова: село, погост, застава.

The article considers the socio-functional transformation of ancient settlements. For the period from the XI till the XVII c. the settlement moved all the way from the administrative centre of the rural districts in XI–XII centuries, up to the owner's village in the Lithuanian period of XIV–XV c. and a border post in the XVII c.

Keywords: village, administrative center, frontier post.

Среднее Подесенье исключительно богатый на археологические памятники регион. В области славяно-русской археологии неплохо исследована территория севера и центра Брянского ополья, округа Трубчевска. Однако белым пятном в древнерусской археологии Подесенья остается территория на границе Брянского и Трубчевского ополей. Несомненно, что многое изменилось с 1912 года, когда В. Р. Апухтин писал Д. Я. Самоквасову: “По Десне еще много необследованных курганов и городищ. Трубчевский уезд совершенно еще не обследован в археологическом отношении” [1, с. 65]. Были работы В. П. Левенка, В. А. Падина, М. В. Воеводского, Л. В. Артишевской, А. К. Амброза, И. И. Ляпушкина, Ф. М. Заверняева, А. С. Смирнова, которые открыли, обследовали и исследовали в 1930-1980-х гг. десятки памятников разных эпох. Однако, как и сто лет назад, актуальны слова анонимного корреспондента “С.” из газеты “Новое время”, писавшего о состоянии дел в местной археологии – “к сожалению, на исследования местных археологов, не обладающих необходимыми денежными средствами, нельзя рассчитывать” [2].

Село Лопушь расположено на правом высоком берегу р. Десны. Городище в селе Лопушь традиционно, с момента его введения в науку Ф. М. Заверняевым в 1948 г., считалось поселением раннего железного века, а именно юхновской культуры. Городище расположено на мысу правого коренного берега р. Десны, высотой от подошвы около 17 м. Площадка городища блюдцеобразная размером 65x60 м, с напольной стороны окружена мощным полукольцевым валом высотой около 4 м, сохранились и остатки рва. К слову, об этом городище стало известно задолго до его обнаружения Ф. М. Заверняевым. В 1865 году в Орловских епархиальных ведомостях священник лопушской церкви св. Афанасия и Кирилла отец Василий Зверев опубликовал краеведческую заметку об истории села Лопушь, в которой упомянул о “Кудеяровом” городище, расположенном на территории села, а также о группе из 5 курганов, находящейся в одной версте от Лопуши [3, с. 496 – 500].

В 2011 году автором было открыто древнерусское селище, с напольной стороны вплотную примыкавшее к городищу. Селище больших размеров, общей площадью около 5 га, в настоящее время полностью застроенное усадьбами жителей села. Комплекс находок на селище выбивается из череды артефактов, характерных для рядовых древнерусских селищ. Так, были найдены стеклянные браслеты, предметы вооружения, предметы ювелирного искусства и металлопластики, изготовленные в сложной и недешевой для того времени технике, оконное стекло, детали поясного набора, книжные застёжки и другие артефакты, свидетельствующие о неординарности поселения и его жителей. Культурный слой на селище, во всяком случае в центральной его части, превышает 1 м, что не характерно для большинства древнерусских сельских поселений Подесенья и подтверждает бурную социальную и хозяйственную активность местного населения на протяжении довольно длительного времени. Кроме того, размеры селища превышают средние размеры древнерусских сельских поселений, абсолютное большинство которых имеет площадь от 0,5 до 2 га [4, с. 99]. Размеры селищ объективно отражают численность населения способного прокормиться земледельческим трудом на землях окружавших поселения. Соответственно, значительные размеры лопушского селища указывают как на большее число жителей, так и на иную социальную функциональность. Жители селища в Лопуши

кормились не только, а возможно и не столько земледельческим трудом, а возможно в большей степени перераспределением материального богатства, поступавшего в качестве сбора податей с прилегающей округи и контроля над транзитными торговыми путями. Этим и объясняется нестандартный комплекс артефактов, происходящих с территории селища.

На городище следов культурного слоя домонгольской эпохи не обнаружено, хотя в единичных экземплярах встречается древнерусская керамика. Вероятно, оно вторично использовалось в домонгольскую эпоху как крепость-убежище, а само поселение раскинулось на окружающей городище обширной территории. Аналогичная ситуация наблюдается и на расположенном в 30 км к югу от Лопуши городище Катова гора в с. Любожичи. По нашему мнению Любожичи и Лопушь – это административные центры XI – XIII вв. на территории Подесенья между Трубчевском и Брянском. Между стратегическими пунктами Трубчевск-Любожичи-Лопушь-Брянск расстояние в один конный переход, а именно около 30 верст. И Лопушское селище отличным образом вписывается в эту систему административных центров. Тем более в обозримой округе Лопуши нет поселения древнерусской эпохи сравнимого по размерам, материальной культуре и уровню жизни населения.

Какова же социальная природа лопушского селища? По мнению некоторых исследователей – это владельческое село-замок. Главный аргумент – уровень находок и наличие городища. Однако без комплексного исследования городища и его укреплений это утверждать крайне опрометчиво, тем более что по предварительным сведениям на городище нет культурного слоя древнерусской эпохи. А комплекс находок сравним, например, с тем который был получен при исследовании селища Автуничи на Черниговщине, которое феодальным замком не является.

На наш взгляд селище в Лопуши несомненно связано с юхновским городищем, но это отнюдь не владельческое село, а погост, возникший не позднее рубежа X – XI вв. и функционировавший как административный, судебный и податной центр княжеской власти над сельской округой. Это обширное и богатое сельское поселение с небольшой крепостью-острогом на древнем юхновском городище и церковным приходом.

По мнению некоторых исследователей, погосты существовали еще до феодализации. Это была система поселений, составлявших сельскую общину, а также центры этих поселений [5, с. 24]. Погосты были пунктами, объединявшими местное сельское население, а позднее при феодализации использовались как центры обложения прилегающей им округи [6, с. 117]. Территориально община-вервь состояла из нескольких поселков (весей). Её центром и было наиболее крупное поселение – погост [4, с. 97]. Погост мог быть укрепленным (реже) или открытым. Погосты упомянуты не только в летописном рассказе о податной реформе княгини Ольги, но и в уставных грамотах новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. и смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г. в которых под погостами понимаются податные округа и центры этих округов.

На рубеже X – XI веков в процессе окняжения территории Подесенья княжеская власть в основном устраивала погосты на месте старых общинных центров. Там появлялась княжеская администрация, княжеский суд, церковный приход, осуществлявший, в том числе миссионерские функции. На погост свозилась дань с подвластной сельской округи, там же концентрировалась локальная торговля и могли проходить транзитные торговые пути. На погосте проживало население, чей социальный статус и благосостояние было заметно выше, чем на поселениях прилегающей округи. Все эти функции четко подтверждаются найденными артефактами.

Торговля – дрогичинская пломба, весы, гирька, стеклянные браслеты.

Администрация – предметы вооружения и снаряжения, детали поясного набора, книжная гарнитура.

Церковный приход – книжная гарнитура, значительное количество предметов христианского благочестия, легенда о престольной иконе Лопушской церкви.

Социальный статус и благосостояние жителей – стеклянные браслеты, предметы с позолотой, ювелирные изделия, изготовленные в сложной технике и др.

Учитывая датировку и атрибуцию находок, погост в Лопуши возникает на месте роменского селища на рубеже X – XI вв., во всяком случае, не позднее первой половины XI века. Роменского слоя на поселении не обнаружено, однако есть единичные находки роменской лепной керамики с гусеничным орнаментом. Вероятно славянский поселок возник не ранее X века и имел небольшие размеры. На XII – первую половину XIII века приходится расцвет поселения. Именно тогда оно достигает своих максимальных размеров и пика благосостояния жителей. Еще в XIX веке сохранялись остатки (5 курганов) курганного могильника, находившегося в одной версте к северо-западу от села [3, с. 500]. В настоящее время на территории курганного могильника располагается ферма.

О наличии на территории лопушского погоста церковного прихода косвенно свидетельствуют еще два обстоятельства. Первой – это местная легенда о престольной иконе лопушской церкви Афанасия и Кирилла. В ней говорится о том, что икона святителей была привезена из Киева вместе с иконой Печерской Свенской Богородицы князем Романом Михайловичем в 1288 году [7, с. 433]. Сама икона в настоящее время утрачена. И второе обстоятельство связано с историей самой церкви св. Афанасия и Кирилла. Первое письменное свидетельство об ее существовании в Лопуши – это Евангелие 1688 года, упомянутое в числе древностей, хранящихся при церкви. Однако с учетом легенды и большого количества предметов христианского благочестия, найденных на селище можно предположить то, что церковь в лопушском погосте появилась в домонгольскую эпоху. Тем более, что лопушской храм XVII – XIX располагался прямо на территории древнерусского селища, возможно на месте более древней постройки. По наблюдениям Н. А. Макарова на севере Руси между приходами XV – XVIII в. и домонгольскими поселениями с церквями связь прослеживается в 75% случаев [9, с. 199 – 216]. Таким образом, есть веские основания считать, что церковь в Лопуши могла появиться в домонгольскую эпоху. Именно этим объясняется наличие значительного количества предметов культа и книжной культуры на лопушском погосте.

К сожалению, как и для большинства других древнерусских поселений два столетия после монгольского нашествия для лопушского погоста стали темными веками. Очевидно то, что во второй половине XIV века он, как и вся территория Подесенья, попадает под власть Великого княжества Литовского. В народной памяти местного населения до начала XX века сохранялась легенда о некоем местном крестьянине, который совершил подвиг, подобный подвигу Ивана Сусанина, а именно завел литовскую рать в непроходимые болота у лесной речки Ловча, которая впадает в Десну практически напротив Лопуши [10, с. 31 – 34]. Власть Литвы установилась на полтора столетия. В этот период Лопушь превращается во владельческое поселение. А в конце XV века Лопушь впервые появляется на страницах письменных источников. Это “Жалованная грамота великого князя литовского Александра князю Тимофею Ивановичу Капусте на двор Лопашь и на человека Сытича в Брянскомъ повете”:

“Въ Берестьи, 22 декабря 1496 года.

Самъ Александръ бо жью милостью. Наместнику бранскому князю Феодору Ивановичу и иным наместником нашимъ, хто потом от насъ будет Бранскъ держати. Бил намъ чолом дворенинъ нашъ князь Тимофей Ивановичъ Капуста и просил в насъ у Бранскомъ повете двора нашего на имя Лопаша. А поведил перед

нами, штож к тому двору Лопашу тягнет только чотыри человеки. И теж к тому просил в насъ одного человека данника на имя Сытича и поведил пред нами, штож с того человека идет кад меду, а веро ловчое, а сокол на город. И мы ему тот двор Лопашъ и с тыми людми дали и теж того человека Сытича дали есмо ему в данью и зо всими землями пашными, и бортными, и сеножатыми, ис озеры, ис реками, из береги бобровыми, со всим потому, што здавна к тому двору Лопашу и к Сытичу прислухало; а и поголовщину с тых людей отпустили есмо ему.

Псан в Берестьи, дек. 22. индикть 15” [11, с. 154].

В 1497 году между князем Капустой и брянским наместником князем Федором Ивановичем разгорелся конфликт. Наместник пожаловался великому князю Александру, что Тимофей Капушта незаконно присоединил к Лопуши “многие земли наши бранские”. По делу были допрошены несколько брянских бояр, которые показали, что “в Лопуши не было ни людей, ни пашное земли” и то, что ещё бывший владелец, князь Иван Андреевич “привернул к тому Лопушу” село Брачово и поместил там 6 семей земледельцев, а также село Ревны и также поместил там шесть семей, которые несли повинность в виде добычи зверя в окрестных лесах. В итоге, великий князь особым привилеем подтвердил право князя Тимофея Капусты на Лопушь, Брачово и Ревны, при этом они были даны ему “в отчину” [11, с. 163 – 164]. Таким образом Лопушь окончательно становится владельческим селом.

Князья Капусты – это ветвь Рюриковичей, потомки Турово-Пинских князей. Владения их были разбросаны на Киевщине, под Оршей и на Брянщине. Род угас в XVI веке. Тимофей Иванович (умер в 1515 г.) известен как наместник черкасский и каневский (1506 – 1511 гг.), а также кричевский наместник с 1511 г., когда потерял свои владения на Брянщине.

Как видно из второго документа, Лопушь представляла собой опустевшее поселение. Возможно, что такое запустение было связано с татарским разорением в середине XIII века, которое сместило центры местной власти на территорию других поселений. Для ответа на этот вопрос необходимы дальнейшие комплексные археологические исследования. Но имея представительный комплекс находок, очевидным является то, что период со второй половины XIII по вторую половину XV века представлен минимальным количеством артефактов.

Литовское господство продолжалось до начала XVI века, когда в результате русско-литовской войны 1500 – 1503 гг. Подесенье вошло в состав Русского государства.

Следующий важный этап в развитии Лопуши наступает после заключения в 1618 году Деулинского перемирия между Россией и Речью Посполитой. Именно тогда Лопушь превращается в пограничную заставу “на Литовской границе”. В 1624 году головой Лопушской заставы был сын боярский Иван Андреевич Маслов [12, с. 26 – 27]. По нашему мнению в период существования в Лопуши пограничной заставы реконструируются древние укрепления на городище – эскарпируются склоны, углубляются рвы и насыпаются новые валы. Именно тогда городище приобрело тот облик, который мы видим сейчас. С функционированием заставы вероятно и связаны находки западноевропейских торговых пломб и монет, свинцовых пуль. Пограничный статус Лопуши заканчивается после русско-польской войны 1654 – 1667 года. Лопушь окончательно превращается в рядовое село на берегу Десны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Письмо В.Р. Апухтина Д.Я. Самоквасову 1908 г. // Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д.Я. Самоквасова / Сост. С.П. Щавелёв. Курск, 2007.
2. Новое время. 19 июля 1908 г. № 11620.

3. Зверев В. Местные известия о селе Лопушь Трубчевского уезда Орловской епархии // Орловские епархиальные ведомости. 1865. № 13.
4. Древняя Русь. Город, замок, село. Под. Ред. Б.А. Рыбакова. М., 1985.
5. Воронин Н.Н. К истории сельского поселения феодальной Руси// Известия ГАИМК. Л., 1935. Вып. 138.
6. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX-XIII вв. М., 1990.
7. Зверев В. Сведения о благодатных действиях, бывших от иконы во имя святых отец наших Афанасия и Кирилла патриархов Александрийских, Орловской епархии, Трубчевского уезда, в приходском храме села Лопуши// Орловские епархиальные ведомости. 1866 г. №8.
8. Пясецкий Г.М. Описание священных древностей, находящихся Трубчевского уезда села Лопуши в Афанасьевской церкви // Орловские епархиальные ведомости. 1865 г. №18.
9. Макаров Н.А. Сельские приходы XV-XVII веков и системы расселения домонгольского времени на Белом озере: проблемы преемственности// Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М. 2001.
10. Новожеев Р.В., Потворов И.И. Брянский “Сусанин”: об одной историко-археологической легенде// История и археология восточноевропейской деревни. Выпуск 1./ Под ред. Новожеева Р.В. Брянск, 2011.
11. Lietuvos metrika. Knuga Nr.6 (1494-1506). Vilnius, 2007.
12. Летопись историко-родословного общества в Москве. Т.4. М., 1907.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Новожеев Роман Владимирович – кандидат исторических наук, доцент. Зав. научно-исследовательской лабораторией аграрной истории Брянской ГСХА.

Научные интересы: аграрная история, древнерусская деревня, археология сельских поселений Древней Руси, экспериментальная археология.

УДК [39:316.347]+303.62(477.52/.62)

ОСОБЛИВОСТІ ПРОЦЕСІВ ЕТНОНАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕНТИФІКАЦІЇ МЕШКАНЦІВ СЛОБІДСЬКОЇ УКРАЇНИ

Олена ПІСКУН (Київ)

У статті на основі результатів анкетування та власних польових матеріалів автора розкрито особливості етнонаціональної ідентифікації населення обстеженої території, проаналізовано типи ідентичності, наявні авто- та гетеростереотипи.

Ключові слова: Слобожанщина, ідентифікація, етнос, Батьківщина, стереотип, патріотизм.

В статье на основе результатов анкетирования и собственных полевых материалов автора раскрыты особенности этнонациональной идентификации населения обследованной территории, проанализированы типы идентичностей, присутствующие авто- и гетеростереотипы.

Ключевые слова: Слобожанщина, идентификация, этнос, Родина, патриотизм.

The peculiarities of the ethnic and national identification of the inhabitants of the investigated territory are shown, the types of the identity, the present auto- and heterostereotypes are analysed in the article on the base of the results of the questioning and the own field materials of the author.

Keywords: Slobozhanshchyna, identification, ethnos, the Motherland, stereotype, patriotism.